ИСТОРІЯ ОДНОЙ КНИГИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Habent suum fatum libella.

У КНИГЪ есть своя судьба... Имѣла ее и моя «Русская Христоматія», вышедшая первымъ изданіемъ въ 1843 году. Но прежде чѣмъ приступить къ разсказу о томъ, что выражаетъ эпиграфъ, я дозволю себѣ маленькое отступленіе.

Въ «Старой записной книжкѣ» князя П. А. Вяземскаго помѣщенъ слѣдующій забавный анекдотъ: «Когда Карамзинъ былъ назначенъ исторіографомъ, онъ отправился къ кому-то съ визитомъ и сказалъ слугѣ: если меня не примутъ, то запиши меня — Карамзинъ, исторіографъ. Когда слуга возвратился и сказалъ, что хозяина нѣтъ дома, Карамзинъ спросилъ его:

— «А записалъ ли ты меня?

— «Записалъ.

— «Что же ты записалъ?

— «Карамзинъ, графъ исторіи» [1]).

Нѣчто подобное случилось и со мною, во время работы моей по изданію христоматіи, которая печаталась въ университетской типографіи, въ Москвѣ, гдѣ я былъ тогда преподавателемъ русскаго языка. Корректурные листы, доставляемые мнѣ наборщикомъ, я отсылалъ, по выправкѣ ихъ, съ моимъ кучеромъ. Частая по-

---

[1]) Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VIII, стр. 244.

сылка въ одно и то же мѣсто съ какими-то бумагами возбудила любопытство прислуги. Чтò это такое нашъ баринъ все пишетъ и пишетъ, да посылаетъ въ питиграфію? (такъ они переиначили слово типографія).

— Не знаю,—отвѣчалъ кучеръ,—говорятъ, какую-то христоматію...

— Христоматію? — повторила горничная и, подумавъ немного, сказала...—А, должно быть, житіе Богородицы, Матери Христа Бога нашего. Вотъ это хорошо! это—дѣло доброе! Дай Богъ ему за то здоровья.

Христоматія! учебное пособіе для чтенія и другихъ занятій по отечественному языку! что это за важная вещь? Можно ли было предполагать, что она обратитъ на себя вниманіе серьезныхъ особъ и возбудитъ полемику, которой нѣкоторое время интересовалась московская публика, преимущественно изъ учебнаго и литературнаго круга? Однакожъ, именно такъ и случилось, благодаря ниже излагаемымъ обстоятельствамъ.

Мысль о составленіи христоматіи была внушена мнѣ недостаткомъ такого сборника, по которому учащіеся могли бы знакомиться съ образцовыми твореніями родной словесности не только періодовъ Ломоносовскаго и Карамзинскаго, но и слѣдовавшей за ними эпохи Пушкина, который еще не допускался въ школу, хотя уже прошло нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти. Въ Христоматіи Пенинскаго, въ то время единственной и исключительно принятой въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, стихотвореній Пушкина еще не имѣлось: онъ былъ подъ запретомъ. Въ заведеніяхъ другихъ учебныхъ вѣдомствъ (напримѣръ, императрицы Маріи) преподаватели словесности находились въ лучшемъ положеніи: они могли свободно выбирать образцы для ознакомленія учащихся съ родами прозы и поэзіи, равно какъ и съ характеристикой извѣстнѣйшихъ писателей. Такимъ образомъ я, вмѣстѣ съ П. Н. Кудрявцевымъ (впослѣдствіи профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ, а до того преподавателемъ въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ въ Москвѣ), положили своимъ долгомъ знакомить воспитанницъ не только съ Пушкинымъ и поэтами его школы, но и съ слѣдовавшими за нимъ Гоголемъ и Лермонтовымъ. Это знакомство не ограничивалось единственно отрывками, которые предлагались на классныхъ урокахъ, но обнимало цѣлыя произведенія, благодаря вечернимъ литературнымъ чтеніямъ у начальницы означеннаго института, въ присутствіи ея и нерѣдко инспектора классовъ, профессора Армфельда. Таковыя же чтенія были заведены мною и въ Александровскомъ институтѣ (тоже въ Москвѣ). Тѣ и другія не остались безплодными: воспитанницы получили хотя не полное, но по крайней мѣрѣ достаточное понятіе о значеніи корифеевъ нашей словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ развивался у нихъ вкусъ

къ изящному и явилась охота къ чтенію образцовыхъ литературныхъ произведеній.

Необходимость сборника, отвѣчавшаго современнымъ потребностямъ на урокахъ русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, становилась болѣе и болѣе ощутительной. Въ теченіе моей педагогической практики образовался у меня избранный литературный матеріалъ, расположенный по родамъ прозы и поэзіи, и явившійся въ 1843 году въ двухъ томахъ, подъ названіемъ «Русская Христоматія». Читатель, смѣю надѣяться, признаетъ за мною право похвалиться тѣмъ, что я первый, хотя и не въ большой мѣрѣ, а въ той, какая разрѣшалась уставомъ о пользованіи чужою литературною собственностью, познакомилъ русское юношество съ Пушкинымъ.

Кромѣ полноты и новизны матеріала, сравнительно съ прежде существовавшими учебными пособіями по русскому языку и словесности, книга моя представляла еще нѣкоторыя особенности, изъ которыхъ важнѣйшая—большое предисловіе, въ которомъ я указывалъ основанія, руководившія меня при выборѣ образцовъ.

Христоматія должна была представлять образцы прозы и поэзіи, написанные литературнымъ языкомъ новаго времени, т. е. обнимающимъ эпохи Карамзина и Пушкина, не исключая и только что выступавшіе таланты (Кольцовъ, Майковъ, Фетъ и другіе), если ихъ произведенія выказывали изящество языка [1]). Такимъ положеніемъ предшествовавшіе именитые писатели (Ломоносовъ, Державинъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ) какъ бы отодвигались на задній планъ, что̀ и побудило критику заподозрить составителя въ неуваженіи къ преданію, въ покушеніи разорвать связь между прошлымъ и современнымъ нашей литературы, тогда какъ въ основу ея изученія слѣдовало положить «историческое» начало.—Предисловіе заключалось такими словами: «Рядомъ съ именами «извѣстными» читатель найдетъ нѣкоторыя піесы писателей еще «малоизвѣстныхъ», но талантливыхъ. Увлекаясь достоинствомъ языка и мыслей, а не авторитетомъ, я часто припоминалъ слова графа С. С. Уварова: «Въ большей части Европы, кажется, въ словесности власть единаго таланта или немногихъ слабѣетъ: наступаетъ эпоха, которую одинъ умный писатель вѣрно изобразилъ названіемъ эпохи «безыменной» [2]). Эта цитата набросила на меня подозрѣніе въ демократизмѣ, въ неуваженіи къ авторитетамъ, въ намѣреніи поколебать табель литературныхъ ранговъ.

Изложенный взглядъ на сборникъ литературныхъ образцовъ, какъ своего рода новшество, не могъ быть одобренъ ни попечите-

---

[1]) Эта часть предисловія удостоилась перевода на французскій языкъ въ книгѣ: Histoire intellectuel de l'Empire de Russie, par Tardif de Mello. 1854. Paris.

[2]) Графъ С. С. Уваровъ, въ «Академической рѣчи его о Гёте».

лемъ Московскаго учебнаго округа, графомъ С. Г. Строгоновымъ, ни профессоромъ Московскаго университета С. П. Шевыревымъ. Оба они стояли за историческое начало въ преподаванiи научныхъ предметовъ, что ясно было выражено графомъ на обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ, 1858 года, въ день основанiя Московскаго университета, которымъ онъ управлялъ двѣнадцать лѣтъ (1835—1847). Шевыревъ, какъ ученый, серьезно изучавшiй памятники древнерусской литературы и открывшiй публичныя лекцiи по этому предмету, неблагосклонно относился къ нѣкоторымъ новымъ талантамъ, какъ это видно изъ отчета его о первомъ сборникѣ стихотворенiй Лермонтова (1840 г.), въ которыхъ критикъ видѣлъ только подражанiе формѣ произведенiй нашихъ именитыхъ поэтовъ [1]).

Были и другiя причины, обратившiя вниманiе Шевырева на мою книгу. Первой изъ нихъ служила рознь между журналами: «Отечественныя Записки», въ которомъ я участвовалъ, какъ сотрудникъ, что было извѣстно Шевыреву, и «Москвитянинъ». Первый изъ нихъ, сторонникъ европеизма, не сходился въ мнѣнiяхъ съ «Москвитяниномъ», представителемъ славянофильскаго ученiя. Къ этому взаимному недружелюбiю двухъ началъ присоединялись и личныя раздраженiя. Нельзя сомнѣваться, что Шевыревъ обладалъ многими хорошими душевными качествами, несомнѣнной ученостью и чрезвычайнымъ трудолюбiемъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ представлялъ и слабыя, легко уязвимыя стороны характера. Онъ былъ тщеславенъ, раздражителенъ, задоренъ и нерѣдко педантиченъ въ своихъ критическихъ статьяхъ, на чтò жаловался даже неизмѣнный другъ его, М. П. Погодинъ. Послѣдняя черта, какъ особенно выступавшая, была изображена Бѣлинскимъ въ особой характеристикѣ, подъ названiемъ: «Педантъ, литературный типъ» [2]).

Сказанное мною подверждается свидѣтельствомъ Ю. Ѳ. Самарина въ его письмахъ къ К. С. Аксакову. Онъ съ радостью увѣдомляетъ своего друга, какъ «Шевыревъ былъ разбитъ въ спорахъ съ Крюковымъ и Рѣдкинымъ (профессорами Московскаго университета) и прикрылъ постыдное отступленiе криками и общими мѣстами. «Въ Шевыревѣ», по его отзыву, «нѣтъ той простоты и того смиренiя», безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго произведенiя. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствiи высокаго созданiя, забыть, что онъ изучилъ искусство, что онъ былъ въ Италiи, и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Италiи и не изучали искусства. Ему будетъ совѣстно передъ собою, если онъ увидитъ въ художественномъ произведенiи только

[1]) «Москвитянинъ» 1841 г.
[2]) «Отеч. Записки», 1842 г.

то, что можетъ видѣть всякій. Нѣтъ, онъ придумаетъ что-нибудь помудренѣе, позамысловатѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою» (т. е. поэтическимъ созданіемъ [1]).

Чѣмъ же московская публика заинтересовалась въ спорѣ о такомъ заурядномъ явленіи учебной литературы, какъ христоматія?.. Неожиданнымъ ходомъ полемики. Шевыревъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность; онъ занималъ каѳедру русской словесности; и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ его знали какъ ученаго, литератора и критика. Я же былъ преподаватель русскаго языка въ низшихъ классахъ одного изъ московскихъ институтовъ, посылавшій статьи и статейки въ «Отечественныя Записки» безъ подписи имени, какъ это требовалось редакціею журнала. И что же? оказалось, что малоизвѣстный журнальный сотрудникъ, не подчиняясь авторитету нападающаго, поднимаетъ брошенную имъ перчатку и немедленно вступаетъ съ нимъ въ бой [2]). Сознаюсь откровенно, что я, какъ слабѣйшій, желая на сколько возможно уравнять шансы успѣха, дозволялъ себѣ въ защитѣ прибѣгать къ различнымъ средствамъ, между прочимъ къ ироніи и насмѣшкѣ, которыя нравятся читателямъ. Если не доставало у меня пороха, я бросалъ въ противника пескомъ и пылью, чтобы хоть нѣсколько отуманить его. Другимъ поводомъ къ интересу такимъ въ сущности неинтереснымъ предметомъ могло служить и литературное затишье въ Москвѣ того времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснила дѣло А. П. Елагина (мать Кирѣевскихъ) въ письмѣ къ А. Н. Попову: «Литература наша отличается перебранкою Шевырева съ Галаховымъ за христоматію и чуть ли это не единственное явленіе» [3]). Наконецъ, не малое вліяніе и отъ розни воззрѣній, господствовавшей въ средѣ профессоровъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ, да и не малое число студентовъ, становились на мою сторону. По крайней мѣрѣ я выдержалъ аттаку, не былъ разбитъ, не просилъ пардона, остался цѣлъ. Въ такомъ положеніи дѣла, слыша различные отзывы о критикѣ и антикритикѣ, издатель «Москвитянина» (М. П. Погодинъ) задумалъ прибѣгнуть къ третейскому суду. Выборъ его палъ на Д. Л. Крюкова, профессора римской словесности и древностей, молодого, чрезвычайно даровитаго и многоученаго. Онъ предложилъ ему взглянуть на полемику нашу безпристрастно, какъ подобаетъ человѣку, лично не заинтересованному въ дѣлѣ и чуждому наклонности къ той или другой журнальной партіи. Предложеніе было принято, но не исполнено. Я узналъ это отъ самого Крюкова, встрѣтивъ его у

---

[1]) «Рус. Архивъ», 1880 г., кн. 2, письма 20 и 52.

[2]) Критика Шевырева въ 5 и 6-мъ №№ «Москвитянина», 1843; мои отвѣты въ двухъ книжкахъ «Отеч. Зап.» того же года, тт. 29 и 30.

[3]) «Русскій Архивъ», кн. I, стр. 343.

Армфельда, тоже профессора Московскаго университета. Вотъ слова его: «Погодинъ просилъ меня взглянуть на вашу полемику съ чисто-научной точки зрѣнія и дать о ней отзывъ. Я было и обѣщалъ ему, но чѣмъ больше вникалъ въ сущность спора, тѣмъ больше и больше переходилъ на вашу сторону, почему и отказался».—Слышалъ я потомъ, что кромѣ этой причины отказа была и другая: Грановскій, не жаловавшій Шевырева, отклонилъ своего товарища отъ намѣренія вступаться за «Москвитянинъ», его редактора (Погодина) и главнаго критика (Шевырева).

Чѣмъ же это все кончилось? Кто правъ? Кто виноватъ? Оба мы виноваты—и критикъ мой и я: онъ излишней строгостью, я—излишней неподатливостью.

Христоматіей моей не былъ доволенъ и Н. А. Полевой, жившій въ то время въ Петербургѣ и помѣщавшій критическіе отзывы въ «Пчелѣ», съ подписью Z. Z. Но по давнему знакомству со мною въ Москвѣ, онъ ограничился письмомъ (1843 г.), въ которомъ высказалъ свое мнѣніе. Отзывы этого письма о Лермонтовѣ, Кольцовѣ, Майковѣ, Фетѣ, Бѣлинскомъ... показываютъ, какъ одряхлѣлъ издатель «Телеграфа» въ своихъ сужденіяхъ о критикѣ и поэзіи.

При второмъ, значительно исправленномъ, изданіи моей книги начальство Московскаго учебнаго округа примирилось съ нею, благодаря дружескому посредничеству Ѳ. И. Буслаева. Попечитель (гр. С. Г. Строгоновъ) вовсе не былъ предубѣжденъ противъ меня; онъ желалъ только, чтобы, какъ выше сказано, преподаваніе отечественнаго языка и литературы держалось на историческихъ устояхъ, которыхъ, какъ ему думалось, не хотѣлъ вѣдать составитель христоматіи.

Черезъ десять лѣтъ послѣ вышеразсказаннаго, уже при шестомъ изданіи моей книги (1853 г.), грянулъ на нее громъ съ той стороны, откуда всего менѣе его ожидалось. Я жилъ въ Москвѣ, и экземпляръ моей книги, поданный въ цензуру, былъ отправленъ въ Петербургъ на разсмотрѣніе директору Педагогическаго Института И. И. Давыдову, бывшему прежде инспекторомъ Александровскаго сиротскаго института (въ Москвѣ), гдѣ и я состоялъ преподавателемъ. Въ то время я пользовался его благосклонностью. Но это чувство замѣнилось противоположнымъ съ тѣхъ поръ, какъ я, по порученію Я. И. Ростовцева, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, составилъ для нихъ конспектъ и программы русскаго языка и словесности. Указывая пособія, нужныя для ознакомленія съ этими предметами, я не включилъ въ ихъ число «Чтеній о словесности», т. е. лекцій, читанныхъ Давыдовымъ въ Московскомъ университетѣ. Отсюда—гнѣвъ и немилость. Цензоръ задумалъ, если не совсѣмъ забраковать мою книгу, то, по малой мѣрѣ, задержать ее, поприжать. Я былъ поставленъ въ непріятное

положеніе: экземпляровъ предъидущаго изданія оставалось немного, а приступать къ новому, не дождавшись цензурнаго разрѣшенія, было дѣломъ рискованнымъ. Подумавъ, я рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству Я. И. Ростовцева, въ то время бывшаго въ большой силѣ. И вотъ Давыдовъ, волей-неволей, хотя-нехотя, долженъ былъ исполнить мое желаніе. Просматривая возвращенный мнѣ экземпляръ, чтобы знать, нѣтъ ли какихъ замѣчаній или перемѣнъ, я съ изумленіемъ остановился на отрывкѣ изъ «Похвальнаго слова Карамзина Екатеринѣ Великой». Извѣстно, что въ этомъ словѣ авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ: «Сограждане!» И что же? это воззваніе вездѣ было зачеркнуто, какъ нѣчто запретное. Нельзя было удержаться отъ смѣха при мысли, до чего довела свою боязливость цензура: даже Карамзина чуть-чуть не причислила къ поклонникамъ революціи. При свиданіи съ Давыдовымъ я признался въ моемъ изумленіи.—«Чемужъ тутъ изумляться?»—отвѣчалъ онъ спокойно и равнодушно.—«Въ настоящее время (1853 г.) и французы не смѣютъ говорить: concitoyen». Дѣлать было нечего, реставрировать опальное слово не дозволялось, и вотъ, изъ двадцати слишкомъ изданій моей «Русской Христоматіи», въ шестомъ (томъ I), похвальная рѣчь Карамзина Екатеринѣ такъ и осталась безъ согражданъ, благодаря перевороту, учиненному во Франціи Наполеономъ Третьимъ.

А. Галаховъ.